

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ · 9

«МНОГОЛЕТНИКИ» И НОВАЯ ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ В ЦИФРАХ · 11

ВВЕДЕНИЕ · 13

1. ЧЕТЫРЕ СТАНЦИИ ЖИЗНИ · 21

2. ДОЛГОЛЕТИЕ И ЗДОРОВЬЕ · 41

3. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ НУКЛЕАРНОЙ СЕМЬИ · 62

4. БУНТАРИ БЕЗ ПРИЧИНЫ? · 79

5. ТРИ КАРЬЕРЫ ЗА ОДНУ ЖИЗНЬ · 101

6. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ · 120

7. НАСЛЕДОВАНИЕ В 100 ЛЕТ · 138

8. ПОДЛИННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН · 156

9. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК
ДЛЯ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ · 173

10. НА ПУТИ К НАСТОЯЩЕМУ
МНОГОПОКОЛЕННОМУ ОБЩЕСТВУ · 192

БЛАГОДАРНОСТИ · 210

ПРИМЕЧАНИЯ · 212

ВСТУПЛЕНИЕ

Наш мир стремительно меняется, таких темпов развития технологий мы еще не видели, и, вероятно, это не предел. Но если одни технологии приходят на смену другим, то наши стереотипы, предубеждения и предрассудки остаются с нами: они проникли в систему образования, в систему социальных институтов и власти. И пришло время менять не только технологии, но и систему взглядов, становиться более гибкими и мобильными.

Профессор экономики Школы бизнеса Уортона при Пенсильванском университете и автор бестселлера «2030. Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее» Мауро Гильен в своей новой книге, опираясь на многочисленные факты и социологические исследования, описывает процессы, происходящие в современном обществе, и их влияние на все сферы жизни, от системы образования до работы супермаркетов.

По мнению Мауро Гильена, границы между поколениями должны быть размыты и произвольны: трудно игнорировать тот факт, что возраст стал просто возрастом, а не индикатором принадлежности к той или иной группе. К примеру, уже сейчас в университетах многих стран можно встретить среди студентов людей самого разного возраста, а благодаря возможностям онлайн-образования обучение стало доступным не только для тех, кто может посещать

очные занятия с 9:00, но и для тех, кто может обучаться только онлайн по ненормированному графику.

В книге «Вне поколений. Новые правила работы и жизни» Гильен стремится разрушить наши стереотипы относительно последовательной модели жизни, где время для детства, юности, взрослости и старости ограничено и предопределено. Он доказывает, что в любом возрасте каждый житель Земли может раскрыть свой потенциал. В будущем у нас не будет одной карьеры или одной профессии, мы сможем менять их в течение жизни и быть востребованными на протяжении многих лет, в зависимости от своих потребностей и амбиций.

Примечательно, что развитие новых технологий приводит к тому, что знания сейчас устаревают быстрее, чем проходит обучение новых специалистов, поэтому система образования должна стремиться к гибкости и регулярному обновлению данных, чтобы быть актуальной. А мы в свою очередь должны привыкнуть к мысли, что у нас больше нет возможности остановиться в своем профессиональном обучении, мы должны *научиться учиться*. И те, кто обладает этим супернавыком, будут наиболее успешными в самореализации.

Мауро Гильен приводит интересную мысль, что будущее принадлежит людям самых разных возрастов, поэтому бизнес должен обратить внимание на это и пересмотреть свое отношение к таргетированию аудитории и построению рекламных кампаний, а также уделить особое внимание тому, чтобы в компаниях работали бок о бок представители разных поколений. Такая синергия способна увеличить потенциал бизнеса и привести к успешной реализации поставленных корпоративных целей.

Я убежден, что новую книгу Мауро Гильена стоит прочитать каждому — независимо от возраста, занимаемой должности, профессии или сферы деятельности. Благодаря ей вы по-другому посмотрите на привычные всем нам вещи и сможете реалистично оценивать не только те возможности, которые открывает современный мир, но и угрозы, которые остаются скрытыми.

Леонид Арнольдович Федун

«МНОГОЛЕТНИКИ»^{*} И НОВАЯ ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЦИФРАХ

Продолжительность жизни растет — и все больше поколений одновременно оказывается «здесь и сейчас». Разные поколения учатся, работают, живут и пользуются ресурсами вместе — это меняет экономику и технологии. Старая модель жизни от школы до пенсии, в которой выделяются беби-бумеры, миллениалы и т. д., с ее избитыми представлениями о том, как эти группы ведут себя в жизни, уходит в прошлое. Начинается революция — и оказывается, что у нас есть множество способов гибко адаптироваться к изменениям и непредвиденным событиям. Это новая поколенческая революция — ее совершают люди, которых можно назвать «многолетники».

^{*} Perennials — термин, который автор книги использует вслед за американской предпринимательницей Джинной Пелл для обозначения сообщества людей разных возрастов, социального происхождения и типов, успешно устанавливающих связи друг с другом и с окружающим миром; еще не получил широкого применения в англоязычной среде и, как следствие, не приобрел устойчивого и сохраняющего смысл перевода на русский язык. В этом издании используется его буквальный перевод — «многолетники». — *Прим. ред.*

Главное — это не десятилетие, когда родились эти люди, а то, как они работают, учатся и общаются¹.

32 года: средняя продолжительность жизни американцев, родившихся начиная с 1900 г., выросла с 46 до 78 лет.

19–25 лет: такова ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для американцев, европейцев, латиноамериканцев и азиатов в возрасте 60 лет.

13–17 лет: ожидаемая продолжительность здоровой жизни после 60 лет при хорошем здоровье.

8: столько поколений сегодня одновременно живет в мире.

18%: доля американских домохозяйств, представляющих собой нуклеарную семью, то есть семью с двумя родителями и хотя бы одним ребенком в возрасте до 18 лет по состоянию на 2021 г. В 1970 г. этот показатель составлял 40%.

Тоже 18%: доля американских домохозяйств, в которых проживают три и более поколений по состоянию на 2021 г. В 1971 г. этот показатель составлял 7%.

10–15%: самая высокая доля людей в возрасте 30 лет и старше, получающих традиционное послесреднее образование, по странам.

30–35%: самая высокая доля людей в возрасте 30 лет и старше, обучающихся на цифровых платформах, по странам.

46%: руководители международных компаний, заинтересованные в потенциальных преимуществах рабочей силы, представленной разными поколениями.

37–38%: доля представителей поколения Z и миллениалов в Великобритании, которые говорят, что на их выбор бренда родители или опекуны влияют больше, чем знаменитости и лидеры мнений в социальных сетях.

ВВЕДЕНИЕ

BMW — один из самых узнаваемых брендов в мире, ему принадлежит лозунг The Ultimate Driving Machine — «Автомобиль — для водителя». Если компанию Ford прославила конвейерная лента, а компанию Toyota — методы коллективной работы, немецкая компания сделала себе имя техническими прорывами. За годы своего существования легендарная инженерная мысль BMW создала такие инновации, как гидравлическая вилка передней подвески мотоцикла для амортизации удара, культовый восьмицилиндровый двигатель, антиблокировочная система колес с электронным управлением и первый «полноценный чистокровный» электромобиль. Однако в наши дни BMW¹ привлекает внимание как первопроходец в деле создания рабочей среды для представителей разных поколений. Сегодня в BMW трудятся пять поколений — и каждое привносит в работу свои уникальные навыки и взгляды. Заводы BMW перепроектированы таким образом, чтобы разные поколения работников чувствовали себя комфортно, работая вместе, — это повышает и производительность труда, и удовлетворенность работой.

Головной завод BMW расположен к северу от Мюнхена, столицы Баварии. «На этом предприятии работает около 8000 сотрудников из более чем 50 стран, 850 из которых — стажеры, — говорится на сайте компании. — Ежедневно здесь производится около тысячи автомобилей и около

2000 двигателей, завод тесно интегрирован в глобальную производственную сеть концерна».

На первый взгляд кажется, что рабочая среда, в которой сталкиваются представители разных поколений², обречена порождать культурное непонимание, трения и конфликты. Многие считают, что представителей разных поколений мотивируют разные аспекты работы — для одних это удовлетворенность работой, для других — деньги, для третьих — льготы. Кроме того, разные возрасты по-разному относятся к технологиям — более молодые поколения предпочитают общаться с помощью текстовых и видеосообщений, более старшие предпочитают личное общение. Именно поэтому многие компании, среди которых была и BMW, раньше избегали поколенческого разнообразия в цехах и офисах. Однако совместная работа разных поколений имеет свои преимущества. В BMW обнаружили, что более зрелые работники могут постепенно утрачивать быстроту мышления и скорость, но их опыт позволяет им использовать другие ресурсы для решения проблем.

Интересно, что производительность труда не зависит напрямую от возраста. Исследователи из Университета штата Огайо были ошеломлены, обнаружив, что первый пик креативности приходится на возраст 20 лет, а следующий — на 50 лет. Как выяснилось, причина заключается в том, что в начале трудовой жизни люди полагаются только на когнитивные способности, но по мере замедления мозговой деятельности они учатся использовать свой опыт, чтобы компенсировать этот негативный процесс³. У каждого возраста свои способности — и BMW объединяет разные поколения в одной рабочей среде. Так обнаруживается, что разновозрастные рабочие группы обеспечивают необходимую скорость работы с меньшим количеством ошибок. «В команде, состоящей из представителей разных поколений, люди по-разному смотрят на проект и на проблемы, — утверждает Хелен Деннис, специалист по этой теме. — Чем больше у вас мыслей, тем больше у вас преимуществ для достижения цели».

Все это расшатывает традиционные представления об особенностях разных возрастов и о том, что можно делать и чего добиваться в разные периоды жизни. Люди часто говорят: «Я слишком молод для этой работы» или «Я слишком стар для новой профессии». Когда в 1880-х появилось всеобщее школьное образование и пенсия по старости, жизнь существенно упростилась: младенчество, подрастание, игры, школа, колледж, работа — и, не успев оглянуться, мы оказывались на пенсии. Эту линейную схему мы считали моделью насыщенной и правильной жизни, надеясь, что наши дети и внуки успешно повторяют тот же путь.

Так наша жизнь стала поэтапной. Я называю это *последовательной моделью жизни*. Уже 150 лет все поколения во всем мире, от Японии до США и от Скандинавии до Южной Африки, должны жить по одним и тем же правилам. Шли войны, появлялись и исчезали империи, женщины получили право голоса, мы ступили на Луну и отправили роботы-вездеходы на Марс. Но мы продолжали жить по-старому — одно поколение за другим — в бесконечном повторении.

Такое положение вещей уходит в прошлое, поскольку демография необратимо меняется.

Ни для кого не секрет, что сейчас мы живем гораздо дольше, чем раньше. В 1900 г. средняя продолжительность жизни в США составляла 46 лет, в 2022 г. — 78 лет, а через два десятилетия, с учетом последствий пандемии коронавируса, она достигнет 83 лет. Американцы, дожившие до 60 лет, могут рассчитывать прожить в среднем еще 23 года — это значительно больше, чем 10 лет, остававшиеся на их долю в 1900 г. Выглядит как еще одна жизнь! Западноевропейцам повезло еще больше: их ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в возрасте 60 лет составляет 25 лет. Азиатам отпущено в среднем еще 20 дополнительных лет, и даже в Африке, где дела в этом смысле не блещут, данный показатель составляет целых 16 лет. И мы не просто дольше живем — у нас гораздо больше «запас здоровья» — ожидаемая продолжительность здоровой жизни. Сегодня 70-летний человек может вести такой же активный образ жизни, как два поколения назад 60-летний.

Понятия «старый» и «молодой» менялись по мере увеличения продолжительности жизни и продолжительности здоровой жизни. В 1875 г. британский закон о дружеских обществах определял «пожилой возраст» как возраст старше 50 лет. «Сорок — старость молодости; пятьдесят — молодость старости», — считал Виктор Гюго, который был «старым» человеком на протяжении 40% своей жизни, поскольку умер в 1885 г. в возрасте 83 лет. После Второй мировой войны возраст 60 лет стали считать границей между молодостью и старостью. Но сегодня даже эксперты не знают, где на самом деле нужно проводить эту границу. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в своих статистических отчетах колеблется между 60 и 65 годами, а Всемирный экономический форум (ВЭФ) и вовсе называет «старостью» возраст, при котором продолжительность предстоящей жизни составляет 15 лет⁴. В таком случае в США этот рубеж сегодня составляет 69 лет — почти на 20 лет позже, чем по оценке Гюго.

Правда, не все в тенденции к увеличению продолжительности жизни выглядит радужно. Молодые поколения, которые платят налоги, недовольны

теми, кто выходит на пенсию и пользуется медицинскими и пенсионными льготами. Многие испытывают трудности в переходные периоды — в подростковом возрасте, во время кризиса среднего возраста или в условиях пенсионного одиночества. Кого-то выбивают из седла жизненные трудности, связанные с подростковой беременностью, отчислением из школы, семейной трагедией, разводом или злоупотреблением алкоголем. Не секрет, что многим матерям сложно совмещать семью и работу, и многим из них далеко до справедливых условий карьерного роста и оплаты труда. Сегодня мы дольше живем и сохраняем здоровье, но из-за головокружительных технологических изменений наше образование устаревает гораздо быстрее, чем в прошлом, а значит, уходит в прошлое эпоха, когда можно было получить образование в молодости и в течение всей карьеры пользоваться полученными знаниями.

Не пора ли начать относиться к жизни иначе?

Последовательная модель жизни вовсе не предопределена природой. Это социально-политический конструкт, построенный на идеях патриархата и бюрократии, которые классифицируют людей по возрастным группам и ролям. Моя книга — о том, что увеличение продолжительности жизни и улучшение физической и умственной формы в сочетании с устареванием наших знаний из-за быстрого развития технологий коренным образом меняет динамику *всего* жизненного пути. И то, как мы проводим детство, и то, как разные поколения совместно живут, учатся, работают и потребляют, теперь будет выглядеть совершенно иначе. Позвольте мне назвать эти масштабные преобразования *поколенческой революцией*, которая коренным образом изменит жизнь людей, компаний, экономик и всего мира. Мы становимся свидетелями распространения «многолетников» — Джина Пелл, серийный предприниматель, понимает под этим термином «неувядающую группу людей всех возрастов, слоев и типов, которые преодолевают стереотипы и устанавливают связи друг с другом и с окружающим миром... и к которым нельзя приклеить ярлык определенного поколения».

«Революции не создаются; они наступают, — говорил американский аболиционист Уэнделл Филлипс. — Революция растет естественно, как дуб. Она приходит из прошлого. Ее основания всегда очень старые». И действительно, революционный взлет «многолетников» — результат давних тенденций. В недалеком прошлом в мире сосуществовало не более четырех-пяти поколений людей, но теперь на планете одновременно проживают восемь поколений. В США к этим восьми поколениям относят поколение «альфа»

(родившиеся в 2013 г. и позже), поколение Z (1995–2012), миллениалов (1980–1994), поколение X (1975–1985), поколение спада рождаемости (1965–1979), беби-бумеров (1946–1964), «молчаливое» поколение (1925–1945) и «великое» поколение (1910–1924). В Японии, Китае и Европе, где старение населения* идет быстрее, чем в США, сосуществуют уже девять поколений. Продолжительность жизни продолжает расти, так что к середине века у нас будет насчитываться девять или десять поколений. Смогут ли ужиться разные поколения — или они обречены спорить о том, кто должен платить за те или иные услуги и блага? Как молодые поколения будут относиться к уплате налогов на финансирование систем здравоохранения и пенсионного обеспечения своих родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек? Можем ли мы принять многолетний образ мышления, чтобы преодолеть эти трудности, — и если да, то каким он должен быть, этот образ мышления?

На самом деле увеличение продолжительности жизни выгодно не только пенсионерам, но всем людям на всех этапах жизни. У молодежи будет больше возможностей и пространства для маневра, чтобы менять курс, брать паузу и заново строить свою жизнь в любом возрасте — но для этого правительства, компании и другие институты должны отойти от последовательной модели жизни. Людям необходимо освободиться от тирании занятий, «соответствующих возрасту». Став «многолетниками», люди смогут заниматься не одной карьерой, профессией или специальностью, а несколькими, находя в каждой из них способы самореализации. Наконец, молодежь сможет планировать и принимать решения на несколько переходов в своей жизни, а не только на переходы от учебы к работе и от работы к пенсии.

Неочевидная идея этой книги заключается в том, что чем больше десятилетий жизни у человека впереди, тем важнее для него свобода маневра — а не «судьбоносные решения». В обществе «многолетников», состоящем из нескольких поколений, подросткам не нужно будет ломать голову над тем, какое выбрать образование и какую работу, — бóльшая продолжительность жизни предоставит массу возможностей для корректировки курса, приобретения новых навыков и смены профессии — в зависимости от того, как сложатся обстоятельства.

В таком мире нам не придется принимать необратимые судьбоносные решения на всю жизнь — мы сможем участвовать в самых различных

* То есть увеличение численности пожилого населения (60 лет и старше) и уменьшение числа детей (до 14 лет включительно) в общей численности населения страны. — *Прим. пер.*

активностях, рассчитанных на несколько поколений, и использовать более широкий спектр возможностей. Мы сможем возвращаться к учебе, не загоняя себя в рамки устоявшихся категорий: «молодой-старый», «активный-неактивный», «полный-неполный рабочий день» и т. д. Технологии заставляют устаревать наши знания и опыт — и они же позволяют использовать более гибкие и итеративные способы обучения и работы. Мы больше не должны идти по проторенной дорожке, придуманной для нас в конце XIX в., когда началась масштабная индустриализация и появилось массовое школьное образование. Фактически мы будем жить несколькими разными жизнями, постоянно взаимодействуя с людьми разных поколений в обществе, которое больше не будет ограничено ни возрастом, ни расстоянием, учитывая широкое распространение цифровых платформ для удаленной работы и обучения. Люди, компании и правительства, которые осознают этот потенциал, вступают в новую эру многопоколенного общества. Они смогут жить, учиться, работать и пользоваться ресурсами, отбросив старые ограничения, в новом мире возможностей, доступных для всех возрастов.

Я решил написать эту книгу во время пандемии коронавируса. Из своего дома в Филадельфии я читал онлайн-лекции, основанные на идеях моей последней книги «2030. Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее»*, которая вышла в августе 2020 г. В этих виртуальных лекциях я делился своими мыслями и рассуждениями с руководителями предприятий, финансовыми аналитиками, рекрутерами, правительственными чиновниками, директорами школ, владельцами независимых книжных магазинов, членами читательских клубов, старшеклассниками, учредителями газет, пенсионерами, медицинскими работниками и многими другими. Я рассказывал им о достоинствах нестандартного мышления и умения связывать воедино факты, события и обстоятельства. И вскоре я понял, что, когда я писал «2030», я еще сам не до конца сознавал, как сочетание демографии и технологий разрушит последовательную модель жизни, которую нам навязали в конце XIX в.

Во время одного из вебинаров я понял то, что стало основополагающей идеей данной книги. Моя аудитория состояла из топ-менеджеров самых известных американских зоопарков и океанариумов. Пока я говорил, меня осенило, что зоопарки должны учитывать существование нескольких

* Гильен М. 2030: Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее. — М.: Альпина Паблишер, 2024.

поколений. Бабушки и дедушки водят в зоопарки своих внуков, родители — детей, но промежуточным поколениям такое неинтересно. Чтобы расширить свою аудиторию, зоопарки должны привлекать подростков, бездетных взрослых и тех взрослых, чьи дети уже выросли. Для этого зоопарки должны проводить специальные мероприятия, создавать экспозиции с видеоиграми, виртуальной реальностью и метавселенными.

На самом деле все это относится не только к зоопаркам. Любые организации должны использовать все имеющиеся в их распоряжении инструменты, чтобы разом поражать воображение людей, находящихся на разных этапах жизни.

Теперь, пересматривая свой образ жизни, обучения, работы и потребления, мы должны думать о «многолетниках» разных поколений. Пандемия открыла нам глаза на возможности, трудности и ограничения удаленного обучения и удаленной работы. Она выявила нашу уязвимость по сравнению с роботами и интеллектуальными машинами. Она усугубила неравенство по признаку расы и пола. Все это убедительно напомнило нам, что ничто не вечно. Я хочу призвать вас взглянуть на обучение, работу и потребление по-новому — чтобы мы как люди и организации смогли осваивать новые горизонты и расширять границы того, что мы можем делать и чего добиваться в течение всей своей жизни. Эта книга адресована родителям и детям, женщинам и мужчинам, работникам и менеджерам по персоналу, будущим и сегодняшним пенсионерам, семьям и консультантам по вопросам благосостояния, потребителям и маркетологам. Изменения в динамике развития общества, состоящего из нескольких поколений, коснутся всех.

В последующих главах я отправлюсь в кругосветное путешествие по Восточной и Южной Азии, России, Ближнему Востоку, Африке, Европе и Америке. Я буду ссылаться на многие романы, фильмы, телесериалы и обычных людей, чтобы понять, насколько распространенной в нашей культуре и обществе стала последовательная модель жизни. Я выявлю основные проблемы и трудности, к которым привел последовательный способ организации нашей жизни — и как это отразилось на различных группах общества. Я также расскажу вам об изменениях тенденций в жизни, обучении, работе, выходе на пенсию, наследовании и потреблении, вызванных поколенческой революцией и появлением «многолетников».

Проблемы, связанные с последовательной моделью жизни, не решишь взмахом волшебной палочки. Мышление «многолетников» — подход к решению, а не само решение. Это метод, позволяющий нам осознать, что

ВНЕ ПОКОЛЕНИЙ

последовательная модель жизни слишком дорого нам обходится, поскольку оставляет многих людей на обочине. Мой подход позволяет оспорить устаревшие представления, чтобы воспользоваться новыми возможностями, открывающимися в наш технологический век. Правительства, компании, учебные заведения и другие организации можно убедить в необходимости экспериментов с новыми моделями жизни, обучения, работы и потребления, использующими преимущества общества «многолетников». Я надеюсь, что этот метод поможет разработать новые, яркие подходы к жизни, чтобы мы могли полностью раскрывать свой потенциал.

ЧЕТЫРЕ СТАНЦИИ ЖИЗНИ

Наши жизни — это ручьи,
Которые впадают в море,
Море по имени Смерть.

Хорхе Манрике (1440–1479),
«Стансы на смерть отца»

Шел 1881 год. Отто фон Бисмарк, «железный канцлер», шаг за шагом превращал объединенную Германию в экономическую и геополитическую державу. Страна располагала огромными запасами угля и железной руды, многочисленным населением, финансовым капиталом, динамично развивающейся университетской системой и множеством изобретателей и предпринимателей, которым предстояло явить миру двигатель внутреннего сгорания, химические красители, аспирин и рентгеновский аппарат. Но Бисмарк опасался растущего и воинствующего социалистического рабочего движения, заряженного революционными идеалами таких политических агитаторов, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые жаждали открыть глаза обществу на ужасные условия труда на «сатанинских мельницах» — фабриках второй промышленной революции. И Бисмарк сделал опережающий

маневр — он выступил с инициативой гарантированного пенсионного дохода после 70 лет. Расчетливый политик, он понимал, что средняя продолжительность жизни в то время не превышала 50 лет. В письме немецкому парламенту кайзер Вильгельм I написал от имени своего канцлера, что «те, кто нетрудоспособен по возрасту и инвалидности, имеют обоснованное право на заботу со стороны государства». Первая в мире государственная пенсионная система появилась в 1889 г. Гамбит сработал: революции не случилось.

Идея создания национальной пенсионной системы для всех трудящихся распространялась по миру довольно медленно. В 1908 г. Великобритания приняла такую систему для людей «с хорошей репутацией» старше 70 лет. Франция последовала этому примеру в 1910 г., Южная Африка — в 1928 г., с 1944 г. распространив эту систему и на чернокожих. В 1935 г. закон о социальном обеспечении, подписанный президентом Рузвельтом, положил начало американской национальной пенсионной системе в том виде, в котором мы знаем ее сегодня. Она охватывает промышленных рабочих, а не только солдат и матерей, как в конце XIX в., но при этом игнорирует сельскохозяйственных и надомных работников, которые в то время составляли половину рабочей силы. Некоторые латиноамериканские страны ввели и расширили государственные пенсии в период 1930–50-х, но большинство пенсионных схем оставались крайне несовершенными до 1960-х. Например, Бразилия унифицировала свою пенсионную систему в 1966 г. В Японии национальная пенсионная система была создана в 1942 г. и оформилась в своем нынешнем виде в 1961 г. В Южной Корее корпоративная система пенсионного обеспечения была создана в 1953 г., но только в 1988 г. там появилась первая национальная пенсионная система.

Примерно тогда же, когда появились пенсии по старости, правительства решили дать населению базовое образование¹ в форме обучения чтению, письму, истории и арифметике. Отчасти это было продиктовано национализмом, стремлением создать то, что историк Бенедикт Андерсон называл «воображаемым сообществом». С другой стороны, вторая промышленная революция (которая в итоге привела к появлению наукоемких отраслей — химической, фармацевтической, электротехнической и автомобильной) предъявляла новые требования к рабочей силе. Промышленность стала более капиталоемкой, и работодатели поняли, что образованная рабочая сила может быть более продуктивной. Британский историк Э. П. Томпсон документально подтвердил, что только определенный уровень образования рабочих мог обеспечить на фабриках дисциплину, пунктуальность

и готовность следовать указаниям. Преподобный Уильям Тернер из Нью-касла (Англия) в 1786 г. цитировал фабриканта пеньки и льна из Глостера, который выступал за школьное образование, поскольку дети «становятся более сговорчивыми и послушными, меньше ссорятся и мстят». Школьное обучение стало предпочтительным методом для привития склонности к организованному труду.

Дисциплина, которую прививали детям в школе, стала важнейшим элементом в становлении системы занятости, основанной на заработной плате. Разрастающейся индустриальной экономике требовались легионы людей, готовых выполнять любые задания работодателя за почасовую оплату. По словам социолога Чарльза Перроу, «если в 1820 г. от заработной платы зависело около 20% трудоспособного населения Америки, то к 1950 г. — 80–90%». И чем меньше людей трудилось в поле, выполняло надомную работу или занималось индивидуальным предпринимательством, тем большее значение приобретали школы для работодателей — а работодатели для школ. Школы обеспечивали резерв унифицированной рабочей силы, необходимой для увеличения масштабов «непрерывного, прогнозируемого производства» товаров и услуг во все больших масштабах — и по мере роста бюрократии на фабриках развивалась аналогичная школьная бюрократия. Школьная система, организованная в соответствии с требованиями промышленности, способствовала отбору, обучению и контролю промышленной рабочей силы для выполнения конкретных работ и задач. Так массовое школьное образование и массовое производство стали двумя сторонами одной медали.

В отличие от национальных вождей и промышленных лидеров, социальные реформаторы видели в обязательном образовании способ защитить детей от жестокого обращения на фермах и в цехах. Но и школы были далеки от идиллии. Один учитель из Швабии (юго-западный регион современной Германии) вел частичный учет наказаний, которым он подвергал своих учеников на протяжении полувека: «911527 ударов розгой, 124010 ударов тростью, 20989 ударов линейкой, 136715 ударов рукой, 10235 пощечин, 7905 оплеух и 1118 800 подзатыльников». Школа была не только образовательным учреждением, но и институтом жестокого воспитания дисциплины².

Школьное образование стало краеугольным камнем последовательной модели жизни — оно распределяло людей по социальным ролям, рабочим местам и профессиональным траекториям³. При этом не всем школьным выпускникам требовалось дальнейшее обучение в колледже. В 1950-х социолог-функционалист Толкотт Парсонс попытался ответить на два вопроса: «Как

школьное обучение интериоризирует* в своих учениках ответственность и способность к успешному выполнению их будущих ролей во взрослой жизни» и «Как школьное обучение распределяет человеческие ресурсы для ролевой структуры взрослого общества»⁴. Таким образом, школа становилась «агентством социализации». По мнению Парсонса, отражая господствующую социальную структуру, система образования также порождает изменения и сдвиги. «Конечно, мальчик с высоким статусом и высокими способностями с большей вероятностью пойдет в колледж, чем мальчик с низким статусом и низкими способностями. Но большое значение имеет группа “перекрестного давления”, для которой эти два фактора не совпадают»⁵. Учитывая, что школьное образование, особенно на начальном уровне, географически локализовано, оно создает «первоначальное выравнивание статуса конкурсантов по возрасту и по семейному происхождению, причем район, как правило, значительно более однороден, чем общество в целом». Кроме того, во всех странах определенная часть родителей отдает своих детей в частные школы. Десятилетия, прошедшие с момента публикации работы Парсонса, показали, что школьное образование может как создавать возможности, так и культивировать неравенство. И если изначально школьная система была основана, как принято предполагать, на меритократических** принципах, то в итоге она превратилась в гигантскую машину отбора детей на взрослые роли и воспроизводства господствующей социальной иерархии.

Истоки идеи обязательного начального образования восходят к Мартину Лютеру (1483–1546), который утверждал, что для спасения человек должен сам прочесть Священное Писание и следовать ему. Вечная жизнь, таким образом, требовала грамотности, а содействие образованию стало христианским долгом. Пуритане, переплывшие Северную Атлантику в поисках религиозной свободы, ввели обязательное школьное образование в колонии Массачусетского залива уже в 1690 г. — первыми в мире. В Пруссии — самом политически агрессивном регионе Германии — массовое школьное образование было введено государством уже в 1763 г., когда Фридрих Великий сделал посещение сельских школ обязательным для детей из простых семей (элита к тому времени уже училась). В 1774 г. австрийский император Иосиф II санкционировал закон о всеобщем обязательном образовании. Конституция Франции

* То есть внедряет во внутренний мир человека. — *Прим. пер.*

** Меритократия — принцип управления, при котором высшие руководящие должности занимают наиболее способные люди, независимо от их происхождения и достатка. — *Прим. пер.*

1791 г. провозгласила «систему общественного образования, общую для всех граждан и безвозмездную в отношении тех предметов обучения, которые необходимы всем людям». Дания в 1814 г., Онтарио (Канада) в 1841 г., Швеция в 1842 г. и Норвегия в 1848 г. одними из первых начали реализацию новых инициатив в области школьного образования.

Массовое школьное образование получило широкое распространение во всем мире лишь к концу XIX в. В Великобритании после десятилетий нерешительных действий по расширению доступа в церковно-приходские и другие частные школы был принят Закон о начальном образовании 1870 г., он же Закон Форстера об образовании, который заложил основы государственной системы образования. В 1876 г. стало обязательным обучение в школе до 10-летнего возраста, а в 1899 г. — до 12-летнего. Во Франции начальное образование стало бесплатным в 1881 г., а обязательным до 13-летнего возраста — в 1882 г. В большинстве европейских стран мальчиков и девочек обучали отдельно и по разным программам, но к началу Второй мировой войны нормой стало совместное обучение. В США школьное образование было обязательным в большинстве северных штатов, а с 1924 г. все коренные американцы стали гражданами с правом голоса и доступом к образованию.

Обязательное школьное образование вместе с работой по найму и последующей пенсией стали основой последовательной модели «четырёх станций жизни» — поэтическая метафора, похожая на календарь времен года. Действительно, к началу XXI в. практически все страны приняли идею о том, что жизнь проходит четыре отдельных и последовательных этапа: игра, учеба, работа и пенсия. Это стало одной из незыблемых истин — будто никакой другой жизни и быть не может.

ДОСТОИНСТВА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Возможно, главным преимуществом последовательной модели жизни была ее предсказуемость. Она позволяла легко и просто классифицировать население на различные возрастные группы. «Пассивное» население — дети, школьники и пенсионеры — не работало и не искало работу. Женщины из среднего и высшего класса также входили в пассивное население — они готовились к замужеству, а затем посвящали себя детям и вели домашнее хозяйство, при этом им помогали женщины из рабочего класса, у которых не было другого выбора, кроме как стать частью «активного» населения. Самый

многочисленный контингент «активной» группы населения составляли трудоспособные мужчины. Большинство активных работников были заняты в то время, которое Чарльз Диккенс назвал «лучшим из всех времен», и многие потеряли работу в «худшее из всех времен»^{*}. Эта категоризация сохраняется и по сей день, причем не только в статистике труда, но и на самом рынке труда, а также в нашей повседневной жизни.

Хотите понять, насколько сильно наша культура ориентирована на четыре жизненные станции? Зайдите в книжный магазин. Бесчисленные полки заставлены томами советов о том, как выжить на каждой из четырех станций и перейти к следующей⁶. Для детей речь идет о самооценке, как в книгах «Хельга делает себе имя» (*Helga Makes a Name for Herself*), «Миру нужен тот ты, кем ты создан быть» (*The World Needs Who You Were Made to Be*) или «Я уверенная, смелая и красивая» (*I am Confident, Brave, and Beautiful*, книжка-раскраска). Подросткам и молодым людям адресовано просто несметное число книг вроде «Как пережить свое детство, когда ты уже большой» (*How to Survive Your Childhood Now That You're an Adult*). Огромное количество книг посвящено тому, как пережить те десятилетия, которые мы проводим на работе, — жанр, открытый в 1936 г. публикацией книги Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Теперь на эту тему пишут книги вроде «Я здесь единственный нормальный? 101 совет, как пережить офисное безумие» (*Am I the Only Sane One Working Here? 101 Solutions for Surviving Office Insanity*) или «Не работайте с м*даками. И что делать, если они вокруг вас»^{**}. Для тех, кто выходит на пенсию, тоже нет недостатка в книгах: «Нет увяданию, или Как процветать на пенсии» (*Not Fade Away: How to Thrive in Retirement*), «Пенсия для начинающих» (*Retirement for Beginners*), «Отойти от дел молодым и богатым» и неизбежная «Как выжить на пенсии» (*How to Survive Retirement*), как будто после пенсии будет что-то еще.

Последовательная модель жизни глубоко укоренилась в культуре и закрепились в законодательстве. В конституциях большинства стран обозначены отдельные права и обязанности для несовершеннолетних детей, студентов, работающих и пенсионеров. ООН создала отдельные организации для борьбы за права разных возрастных групп: ЮНИСЕФ (дети), ЮНЕСКО (образование)

^{*} «Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен» — начало романа Чарльза Диккенса о временах Французской революции «Повесть о двух городах». — *Прим. пер.*

^{**} Саттон Р. Не работайте с м*даками. И что делать, если они вокруг нас. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.

и Международная организация труда (работающие и пенсионеры). Кроме того, чтобы ежегодно напоминать нам о различных этапах жизни, учреждены Всемирный день ребенка (20 ноября), Международный день образования (24 января), Международный день солидарности трудящихся (1 мая) и Международный день пожилых людей (1 октября).

Факт периодизации жизни подталкивал экспертов и ученых рассказывать о том, что означает каждая из стадий. Популярная психосоциальная теория развития личности, предложенная Эриком Эриксоном (1902–1994) в книге «Детство и общество» (1950), выделяла восемь стадий, каждая из которых ассоциировалась с парой конфликтующих тенденций: младенчество (0–2 года, доверие-недоверие), раннее детство (2–3 года; автономия — стыд и сомнения), дошкольный возраст (3–5 лет; инициатива — вина), школьный возраст (6–11 лет; трудолюбие — неполноценность), юность (12–19 лет; идентичность — неопределенность), молодость (20–44 года, близость — одиночество), зрелость (45–64 года, продуктивность — инертность) и старость (после 65 лет, целостность — безнадежность)⁷. Каждый этап является кумулятивным в том смысле, что разрешение конфликта, присущего данному этапу, подготавливает человека к следующему. И каждый этап предполагает овладение ключевым навыком: кормление, приучение к туалету, исследование, обучение, социальные отношения, взаимоотношения, работа и родительство, размышления о жизни. Неспособность эффективно овладеть каждым навыком чревата тяжелыми последствиями на всю жизнь, учитывая, что последовательность стадий предопределена.

Олицетворение четырех жизненных станций настолько глубоко укоренилось в нашем сознании, что мы не только воспринимаем их как должное, но и порицаем тех, кто не переходит от одной стадии к другой своевременно, если этому не мешают физические или ментальные недостатки, — ведь это универсальная схема развития, обязательная для всех. Того, кто не перешел от детства к юности, чтобы подготовиться к взрослой жизни, называют «Питером Пэном»⁸. О подростке, который так и не стал взрослым, скажут, что он «бунтарь». Работник, который не может позволить себе выйти на пенсию, — «неудачник», «транжира» или «безответственный». Целая армия психологов и терапевтов стала зарабатывать на жизнь, предлагая советы и лечение тем, кто отстает от последовательности жизненных этапов.

Не случайно Эриксон предложил свою психосоциальную теорию именно в 1950 г. К концу 1940-х в Европе, США и многих странах Восточной Азии и Латинской Америки были стандартизованы всеобщее школьное

образование, работа по найму и выход на пенсию, поэтому подавляющее большинство людей подчинялись последовательной модели жизни. Архитекторы этой модели и государственные бюрократы, обязанные обеспечивать ее всеобщее соблюдение, беззастенчиво утверждали, что последовательность школьного образования, работы и выхода на пенсию полезна для людей. Я, конечно, согласен с тем, что школьное образование было и остается довольно полезным, хотя движение за домашнее обучение 1970-х не зря бросило вызов монополии государства на образование — ведь обстановка в школах, целью которых оставалось превращение детей в послушных работников, становилась все более невыносимой. Но не думаю, что одностороннее движение от образования к работе, работа по найму и выход на пенсию без шансов на вторую попытку — универсальное решение, подходящее для всех. Рост самозанятости 1980-х и феномен сдельной экономики XXI в. требуют пересмотра уместности возрастной организации жизни, а финансовый кризис, поразивший пенсионные системы, дал новые аргументы критикам последовательной модели жизни. Давайте рассмотрим этап за этапом недостатки и проблемы последовательной модели жизни.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ: ОТ «ОПТОМ ДЕШЕВЛЕ» ДО «МАЛЕНЬКОГО ИМПЕРАТОРА»

«Чтобы содержать семью, нужно много денег», — писали Фрэнк Гилбрет и Эрнестина Гилбрет Кэри в своей книге-бестселлере 1948 г. «Оптом дешевле», четырежды поставленной в кино (в том числе с участием Стива Мартина и Бонни Хант), а также ставшей театральной пьесой и мюзиклом. У их родителей, экспертов по промышленной эффективности Лилиан Моллер Гилбрет и Фрэнка Банкера Гилбрета, которые помогали промышленным компаниям повышать производительность труда, было 12 детей. Их работа вдохновила не только производителей, но и архитекторов-модернистов, в числе которых был Вальтер Гропиус⁹, основатель школы Баухауз. Гилбреты применяли принципы научного менеджмента как в заводских цехах, так и в своем домохозяйстве. «Эффективность в семье Гилбретов считалась такой же добродетелью, как правдивость, честность, щедрость, филантропия и чистка зубов». Они первыми стали производить съемку производственных операций для повышения эффективности. «Папа снимал, как мы, дети, моем посуду, чтобы понять, как сделать наши движения более

экономными и тем самым ускорить выполнение работы». Фрэнка-старшего часто спрашивали: «Как вы кормите всех этих детей?», на что он отвечал: «Ну, знаете, оптом дешевле».

Гилбреты имели исключительное число детей, а в сочетании с их социальным статусом и образованием это делало их феноменом. Лилиан родилась в обеспеченной калифорнийской семье, училась в колледже в Беркли и получила докторскую степень в области прикладной психологии в Брауновском университете. Для женщины с ее образованием иметь так много детей было крайне необычно даже для того времени. Фрэнк отказался от возможности учиться в Массачусетском технологическом институте, чтобы начать карьеру в промышленности и консалтинге, которая принесла ему мировую известность как одному из ключевых деятелей в области научного менеджмента. К моменту его смерти от сердечной недостаточности в 1924 г. их старший ребенок, Энн, была второкурсницей в Университете Джонсона Смита, а младшей, Джейн, было всего два года. В течение 40 лет Лилиан продолжала заниматься консалтинговым бизнесом, одновременно воспитывая своих многочисленных детей. Она нашла время, чтобы написать несколько знаковых книг по психологии и эффективности на фабрике и в домашнем хозяйстве, в том числе «Жизнь с нашими детьми» (*Living With Our Children*), вышедшую в 1928 г. В этой книге она задавала риторический вопрос: «Почему в семейной жизни не должно быть плана?» Перед ней тогда стояли титанические задачи — обеспечить детей и дать им хорошие возможности в жизни. «Мы будем рассматривать семейную жизнь как процесс воспитания ребенка, в котором можно использовать все доступные методы, хорошо зарекомендовавшие себя в других областях». По ее мнению, «объем планирования, с целью дать ему жизненные возможности и богатый опыт, оказывает огромное влияние на то, что он будет делать и кем станет». В отличие от многих современных родителей, она утверждала, что «диплом колледжа и место в списке “Кто есть кто” что-то значат, но успех в качестве учителя в маленьком городке или отраслевое лидерство могут значить не меньше». Возможно, именно большое количество детей позволило одному из самых известных экспертов по эффективности не заикливаться на каком-либо конкретном способе обеспечить успех в жизни своим детям. Путей к успеху было много, и каждый из них выбрал свой.

Перенесемся в начало XXI в. Рождаемость стремительно сократилась до такой степени, что в Восточной Азии, Европе и Северной Америке

женщины рожают в среднем менее двух детей за всю свою жизнь, что не позволяет обеспечить воспроизводство населения. Согласно отчету Национального центра статистики здравоохранения, опубликованному в 2018 г.¹⁰, американские женщины в возрасте 22–44 лет, получившие образование в колледже, рожают в среднем одного ребенка, а женщины без высшего образования — 2,6. (Для мужчин с высшим образованием этот показатель составил 0,9.) Таким образом, образование в колледже для женщин стало американским вариантом китайской политики «одна семья — один ребенок».

Большому количеству детей люди с растущими доходами предпочитают качество жизни — делает вывод чикагский экономист Гэри Беккер¹¹. Свои старые «тачки» они меняют на более роскошные автомобили, а не покупают дополнительные машины подешевле. «Взаимосвязь между количеством и качеством жизни детей, — пишет он, — выражается в том, что с увеличением дохода растут затраты на каждого ребенка». То есть, если доходы родителей растут, они предпочитают вкладывать больше средств в каждого ребенка, предоставляя ему лучшие возможности в жизни. От Восточной Азии и Индии до Европы и США родители стали одержимы идеей не воспитывать успешных людей, а вручать своим детям (или своему ребенку, если речь идет о родителях с высшим образованием) этот успех в готовом виде.

Современное воспитание детей стало сводиться к тому, чтобы обеспечить отпрыску обучение в лучшем из возможных колледжей¹². Профессор Кен Робинсон в своем знаменитом выступлении на TED Talks обвинил родителей в том, что они извращают цель образования в жизни. «Если вы считаете, что весь смысл образования в том, чтобы ваш ребенок поступил в конкретный университет, и что диплом этого университета обеспечит его будущее, что у него будет хорошая работа в среднем классе и долгосрочный доход, то вам не нужно объяснять, почему родители ломаются именно в эту дверь, — отметил он на Talent Summit Dublin в 2018 г. — Проблема в том, что такой перекосяк в образовании оттесняет на второй план многие другие способности и таланты, которые есть у детей и которые понадобятся им сейчас и в будущем». Эта проблема охватила весь мир. В Индии дети, подгоняемые высокими родительскими ожиданиями, стали стремиться только к высшим баллам на экзаменах. «Чрезмерные родительские требования могут пагубно сказаться на развитии ребенка, потому что он будет искать только способы повысить свои оценки, — утверждает

Авик Маллик¹³. — Пренебрегая самой важной частью образования, которая заключается в усвоении знаний, полученных от педагога, ребенок тратит свои умственные способности на то, чтобы довести свой табель до совершенства, вместо того чтобы изучать предмет».

Как отметила Алия Вонг в 2016 г. в своей статье в журнале *The Atlantic*¹⁴, понятие «родительство» вошло в обиход лишь недавно — раньше люди просто рожали и растили детей. Начиная с 1990-х гг., как она утверждает, «по крайней мере, для представителей среднего класса быть родителем означает не просто воспитывать, кормить и поддерживать ребенка — это значит формировать его жизнь, предоставлять ему возможности, чтобы он мог иметь конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе, и обогащать его всевозможным конструктивным опытом». Дети высокообразованных родителей посещают музеи, концерты, театры в два-три раза чаще, чем остальные. Эта тенденция усугубляет экономическое неравенство и социальное воспроизводство — социолог Пол Димаджио считает, что по «социальному капиталу» семьи можно очень точно предсказать успеваемость детей в школе¹⁵. Ошеломляющий скандал с приемом в американские колледжи в 2019 г., в котором оказались замешаны десятки сотрудников приемных комиссий, спортивных тренеров и знаменитых или просто богатых родителей, обвиненных в подкупе должностных лиц, показал, что одержимость подготовкой детей к успеху в жизни не только приводит к пагубным последствиям, но и приобретает комический подтекст.

Именно последовательная модель жизни заставляет большинство родителей максимально расширять возможности своих детей, постоянно повышая ставки. Считается, что если дети в чем-то отстают и не идут в ногу с детьми Джонсов*, то они не смогут извлечь из своей жизни максимум пользы. Поскольку в последовательной модели жизни мы переходим от игры к учебе, а затем к работе — и никак иначе! — мы должны с первого дня добиться максимальной эффективности или неизбежно и, возможно, необратимо отстать. А получив лучшее образование в лучшем учебном заведении, мы должны работать так, будто в жизни нет ничего, кроме работы, — в надежде однажды выйти на пенсию.

* «Идти в ногу с Джонсами» (keeping up with the Joneses) — устойчивое англоязычное выражение, обозначающее сравнение с эталоном социального класса или материального благополучия. Происходит из одноименного комикса 1910-х. — *Прим. пер.*

ПОДРОСТКОВЫЕ БЕДЫ: МЕЖДУ «БУНТАРЕМ
БЕЗ ПРИЧИНЫ» И «ЛУННЫМ СВЕТОМ»

«Она перерастет это, дорогая, — говорит мать Джуди (Рошель Хадсон) в знаменитом фильме 1955 г. “Бунтарь без причины”. — Это просто возраст... Это возраст, когда все не так». Понятия «подростковый возраст» и «ранняя зрелость», занимающие специалистов на протяжении столетий, на самом деле состоят из целого ряда конфликтующих тенденций — зависимость и независимость, порядок и бунт, уверенность и риск, стабильность и приключения и т. д. «Мне нужны ответы прямо сейчас, — протестует Джим Старк (Джеймс Дин) в ответ на отказ отца говорить о серьезных для него проблемах. — Меня не интересует, что я пойму через десять лет».

Фильм стал памятником непониманию и конфликтам поколений в семьях среднего класса — и иллюстрацией еще одного ключевого недостатка последовательной модели жизни. Проблемы подросткового возраста и ранней зрелости известны уже 10000 лет, с момента возникновения оседлых обществ, но идея последовательности четырех станций жизни усугубляет культурный конфликт между родителями и их детьми, поскольку родители ждут не дождутся, когда их дети станут полноценными взрослыми, а дети хотят только вырваться на свободу — идеальный рецепт конфликта поколений.

В сложный период перехода от детства к взрослой жизни многие подростки борются с вопросами выбора, пропущенными через призму пола, расы и религии. Но последовательная модель предполагает линейный путь, единственный вариант, единственный выбор на каждой из жизненных станций. Исследования показали, что родительское давление на подростков, заставляющее их соответствовать социальным ожиданиям последовательной модели, может мотивировать их к употреблению психоактивных веществ и другим бедам. Более того, «давление на развивающиеся умы способно изменить схему работы мозга»¹⁶, — говорит доктор Джозеф Гарбели, вице-президент по медицинским услугам и медицинский директор некоммерческой организации *Caron* во Флориде, которая помогает молодежи, страдающей от наркозависимости. «Это очень серьезная проблема, потому что такие биологические изменения могут подвергнуть подростков большему риску психических расстройств, а также употребления психоактивных веществ».

Один из самых больших страхов, который испытывают родители, исповедующие последовательную модель жизни, — это то, что их дети-подростки станут «Питерами Пэнами», социально незрелыми взрослыми. Этот

термин популяризировал психолог Дэн Кайли в своей книге 1983 г. «Синдром Питера Пэна: Мужчины, которые так и не стали взрослыми» (*The Peter Pan Syndrome: Men Who Have Never Grown Up*). Синдром Питера Пэна не признан психическим расстройством Американской психиатрической ассоциацией, но его широко обсуждают как родители, так и психотерапевты. Его признаки — нежелание или неспособность брать на себя ответственность, связанную со взрослой жизнью, отсутствие уверенности в себе и чрезмерный эгоизм. В кино чаще всего показывают женщину, находящуюся в отношениях с незрелым парнем — «мужчиной-ребенком», который не желает «остепениться». Пожалуй, классическим фильмом этого жанра является «Фанатик» (2000) с Джоном Кьюсаком в главной роли. «Теперь я понимаю, что никогда не был по-настоящему предан Лоре, — признает герой. — Я всегда был одной ногой за дверью, и это мешало мне, например, думать о своем будущем и... Я думал, что лучше ничего не предпринимать, не хватаясь ни за одну возможность. А это и есть постепенное, постепенное самоубийство».

Истоки синдрома Питера Пэна можно проследить еще в древних мифах о вечном мальчике или девочке, вечно юном ребенке-боге. В романе «Остров» 1962 г. Олдос Хаксли называет Гитлера «Питером Пэном», чья незрелость привела к непомерной цене, «которую миру пришлось заплатить за запоздалое взросление маленького Адольфа». Психологи недавно разработали шкалы для измерения степени, в которой мужчины (или женщины) поддаются этому синдрому. По мнению Хумбелины Роблес Ортега, профессора Гранадского университета в Испании, основная причина синдрома — чрезмерная опека родителей. «Обычно от него страдают несамостоятельные люди, которых слишком опекали в семье и которые не развили необходимых навыков, чтобы противостоять жизни»¹⁷. «Питеры Пэны», по ее мнению, «воспринимают мир взрослых как очень проблематичный, им нравится подростковый возраст и они хотят оставаться в этом привилегированном состоянии». Ирония судьбы заключается в том, что Роблес Ортега преподает в университете, основанном после того, как в 1492 г. христиане захватили последний оплот мусульман на Пиренейском полуострове. Согласно легенде, мать правителя Боабдила, недовольная своим сыном, сказала ему: «Плачь, как женщина, о том, что ты не смог защитить как мужчина», — в каком-то смысле он не стал взрослым мужчиной, потому что ему пришлось сдать свои владения. Снова и снова на протяжении веков социальное и родительское давление, направленное на то, чтобы дети переходили от одной станции к другой, служило фоном для интерпретации поведения людей.

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

«Половина моей жизни прошла, и мне нечем похвастаться. Нечем», — говорит Майлз (Пол Джаматти) Джеку (Томас Хейден Черч) в известном фильме 2005 г. «На обочине». — Я словно отпечаток большого пальца на окне небоскреба. Я — пятно дерьма на куске туалетной бумаги, которую вынесло в море вместе с миллионами тонн сточных вод». Майлз, депрессивный учитель и начинающий романист, отправляется в недельное путешествие по винодельням Калифорнии вместе с Джеком, вышедшим в тираж актером, который собирается жениться. Сюжет о 40-летнем человеке, который не видит в жизни ничего, кроме скуки и отчаяния, — классическая тема в кино: «Трудности перевода», «Мосты округа Мэдисон», «Наследники», «Одинокий мужчина», «Вундеркинды», «Тельма и Луиза».

«Середина жизни — возраст между 30 и 70, в основном от 40 до 60, — самая неизученная территория в развитии человека»¹⁸, — отмечает психолог Орвилл Гилберт Брим, руководитель масштабного исследования, финансируемого Фондом Макаруров. Большинство психологических исследований посвящено детству, подростковому возрасту или старости, но одни из самых заметных стрессовых факторов — ссоры с партнером или супругом, ненавистная работа, смерть родителей. «Люди среднего возраста испытывают эти стрессы, потому что они фактически более самостоятельны, чем в более раннем и более позднем возрасте, — отмечает Дэвид Алмейда, который входил в исследовательскую группу. — Когда люди описывают эти стрессы, они часто говорят о них как о вызовах, с которыми нужно справиться».

Термин «кризис среднего возраста» ввел в 1965 г. канадский промышленный психолог Эллиот Жак. У этого кризиса множество симптомов: неудовлетворенность жизнью, сомнения в себе и в своем пути — и они имеют самое непосредственное отношение к последовательной модели жизни. Вопросы вроде «Неужели это все?» или «Неужели я неудачник?» — самый верный признак кризиса среднего возраста.

Этой проблемой занялись также экономисты по вопросам труда. Они исследовали взаимосвязь между работой и счастьем. Используя данные международных опросов о самооценке удовлетворенности, они вывели «U-образную кривую счастья», «дно» которой приходится на возраст 40–50 лет. Интересно, что этот эффект сильнее проявляется в богатых странах, где

продолжительность жизни больше. Используя данные из 27 европейских стран, Дэвид Бланчфлауэр из Дартмутского колледжа и Эндрю Освальд из Уорикского университета обнаружили, что после 40 лет потребление антидепрессантов вдвое выше, чем в 20 и в 60.

Аналогичное возрастное снижение ощущения счастья было обнаружено у человекообразных обезьян, но согласно последовательной модели жизни само собой разумеется, что мы должны проходить через середину жизни без всяких сложностей — ведь мы смогли дожить до зрелого возраста, значит, мы сами управляем своей судьбой. Сьюзан Краусс Уитборн, заслуженный профессор психологии и наук о мозге из Университета Массачусетса в Амхерсте, обнаружила, что люди, которые меняют работу в начале своей трудовой жизни, чувствуют себя более продуктивными и считают, что они что-то оставят будущим поколениям. «Смена работы в 20–30 лет, как правило, приносила пользу в середине жизни, — отмечает она. — Вероятно, эти люди не чувствовали себя в тупике». По мнению психолога и социолога Элейн Ветингтон из Корнелльского университета, такие исследования убедительно свидетельствуют о том, что четверть американцев, испытывающих кризис среднего возраста, могли бы по-другому взглянуть на течение своей жизни.

В Китае после 40 лет интенсивного экономического роста, благодаря которым 900 млн человек вырвались из нищеты и превратились в средний класс, последней актуальной темой социальных сетей стал кризис среднего возраста. Как семейные пары, так и одинокие люди страдают от перекрестного давления со стороны родителей, работы и социальных ожиданий. Писательница Чэнь Даньян выводит в своем романе «Резюме Белоснежки» героиню Ли Пинь, которая всю жизнь работает актером-кукольником и уже несколько десятилетий играет одну и ту же роль. «Для женщин возраст 50 лет — это важный рубеж, — размышляет она. — Общество говорит вам, что это переломный момент, ваше тело вторит. Каждая женщина старше 50 чувствует это. Дети идут в университет, родители стареют... Как справиться с жизненными переменами? Нужно просто жить с ними». Она считает, что сказки способны передать отношения и роль возраста в простой и ясной форме. «Женщина среднего возраста еще не старая, но уже не молодая, — отмечает она. — Она всегда все видит в негативном ключе, она очень подозрительна и цинична». Для Ли Пинь «быть Ведьмой — это иметь свободу и возможности, которых нет у Белоснежки».

ВОЗРАСТ ОДИНОЧЕСТВА

«Ну и как тебе 80?» — спрашивает Билли (Даг Маккин) у Нормана (Генри Фонда) в семейной драме 1981 г. «На Золотом пруду». «Вдвое хуже, чем 40», — отвечает Норман. Но этот университетский профессор на пенсии не одинок — его жена рядом, летом они заботятся о маленьком мальчике, жена и дочь Нормана отмечают улучшение его состояния и самочувствия. К сожалению, в нашем обществе опыт Нормана — не норма. К возрасту 60 лет в одиночестве живут 18% американцев, к 75 годам — 25%, а к 89 годам — до 42%¹⁹. Большинство людей старше 70 лет — пенсионеры²⁰, а значит, у них меньше возможностей для ежедневного общения, особенно если их дети живут далеко. По данным Airbnb, цифровой платформы для сдачи жилья в аренду, самой быстрорастущей возрастной группой среди хозяев, предлагающих свое жилье, являются люди старше 60 лет, что в значительной степени обусловлено их желанием избежать чувства одиночества.

«Страдания и несчастья, вызванные хроническим одиночеством, вполне реальны и требуют внимания, — говорит Стефани Качиоппо из Чикагского университета. — Как социальный вид, мы обязаны помогать нашим одиноким детям, родителям, соседям и даже незнакомцам — так же, как мы хотели бы, чтобы помогли нам. Лечение одиночества — наша коллективная обязанность». Отсутствие социальных связей влечет не только психологические, но и биологические последствия. «Одиночество вызывает другие болезни, — отмечает Стив Коул, директор лаборатории Social Genomics Core Laboratory в Калифорнийском университете. — Биология одиночества может подтолкнуть организм к образованию бляшек в артериях, появлению и распространению раковых клеток, болезни Альцгеймера». Одиночество и его негативные последствия сильнее ощущаются среди людей, живущих в опасных районах. «В ходе моего предыдущего исследования пожилых жителей районов с высоким уровнем преступности, в основном афроамериканцев, я наблюдала у опрошенных конфликт между стремлением участвовать в жизни общества и препятствиями к этому участию», — говорит Елена Портаколоне, социолог из Калифорнийского университета в Сан-Франциско.

Хотя чувство одиночества может возникнуть в любом возрасте, последовательная модель жизни усугубляет его — люди уходят с работы и исчезают из общественной жизни. Согласно одному из исследований, одиночество чувствуют 18% опрошенных пенсионеров. «Выход на пенсию становится сильным потрясением. Хочется выйти на улицу, узнать, что делают остальные, — говорит

один из участников исследования, — и по возможности составить им компанию. Слава богу, что есть интернет!» По данным Национального института здоровья, «люди, которые неожиданно оказались в одиночестве из-за смерти супруга или партнера, разлуки с друзьями или семьей, выхода на пенсию, потери мобильности и отсутствия транспорта, подвергаются особому риску ухудшения здоровья. Проблема стала весьма распространенной, и даже бухгалтерский журнал *Journal of Accountancy* опубликовал статью «Финансовые и человеческие издержки одиночества на пенсии», адресованную дипломированным бухгалтерам, занимающимся финансовым планированием. «До недавнего времени, говоря об удовлетворенности выходом на пенсию, социальную изоляцию и одиночество считали чисто качественными факторами, которые нельзя измерить в долларах и центах». Но согласно исследованию Американской ассоциации пенсионеров (AARP) 2017 г., расходы на здравоохранение из-за одиночества и социальной изоляции ежегодно увеличиваются на \$6,7 млрд.

Как оценить влияние пенсии на одиночество? Очень полезно сравнить добровольных и вынужденных пенсионеров. В работе, опубликованной в *Journal of Applied Gerontology*, группа исследователей использовала данные исследования состояния здоровья на пенсии 2014 г., в котором фигурировали более 2000 американских пенсионеров. Выводы заключались в том, что вынужденный выход на пенсию (это происходит почти с третью пенсионеров) приводит к более высокому уровню одиночества, чем добровольный, и что «социальная поддержка может смягчить негативное влияние вынужденной пенсии», то есть чувство одиночества возникает из-за разрыва связей с коллегами. Используя тот же источник данных, другая группа исследователей выяснила, имеет ли отношение к одиночеству режим ухода на пенсию: «Полученные результаты позволяют предположить, что важен не тип перехода (постепенный или “холодная индейка”)*, — заключили они, — а то, воспринимают ли люди этот переход как добровольный или вынужденный». Эти исследования убедительно свидетельствуют о том, что выход на пенсию усиливает одиночество не только из-за разрыва социальных связей на работе — люди становятся несчастными, когда они вынуждены оставить работу.

«Нет никакой старости, — говорил архитектор-модернист Филипп Джонсон, доживший до 98 лет. — Сейчас я такой же, как и 50 лет назад. Мне даже

* «Холодная индейка» (cold turkey) — устойчивое англоязычное выражение, которое означает резкий отказ от привычки, приносившей удовольствие. — Прим. пер.